

Следует заметить, что в некоторых странах ближнего зарубежья возможность компенсации морального вреда в иной (неденежной) форме допустима. Так, к примеру, такая возможность допускается в Украине (п. 3 ст. 23 ГК Украины) и Киргизии (ч. 2 ст. 16 ГК Кыргызской Республики).

Поскольку в действующем законодательстве Республики Беларусь прямо не установлена иная форма компенсации морального вреда, можно сделать вывод, что такая компенсация осуществляется исключительно в денежной форме, а единицей измерения, следовательно, является денежная единица.

Поскольку основной функцией возмещения морального вреда является компенсация понесенных потерпевшим страданий, то нет необходимости ограничиваться исключительно денежной компенсацией. Безусловно, деньги – универсальный эквивалент имущественной оценки, однако, если предположить, что стороны придут к соглашению, в результате которого потерпевшая сторона получит удовлетворение, способное компенсировать понесенный моральный вред, почему нельзя дать сторонам возможность такого решения? Полагаем, поскольку физические и нравственные страдания есть целиком субъективные явления, то к вопросу формы компенсации также следует подходить субъективно, учитывая индивидуальные пожелания потерпевшей стороны. На наш взгляд, моральный вред подлежит все той же имущественной оценке, однако форма имущественной оценки не должна ограничиваться денежными единицами. В данном аспекте считаем положения п. 4-1 Правил более удачными, нежели положения о форме компенсации морального вреда, содержащиеся в действующем законодательстве.

Представляется целесообразным внесение изменений в действующее законодательство, в частности в ст. 970 ГК Республики Беларусь. Предлагаем п. 1 ст. 970 ГК Республики Беларусь изложить в следующей редакции: «Компенсация морального вреда осуществляется в денежной или иной имущественной форме, не запрещенной законодательством».

К ВОПРОСУ О КОЛЛИЗИОННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЛИКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ АВТОРСКОГО ПРАВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Романенко А. И., Белорусский государственный университет

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент С. М. Ананич

Целью настоящей работы является решение вопроса о том, какими коллизийными нормами могут регулироваться деликтные отношения авторского права с иностранным элементом в сети Интернет. Актуальность темы определена тем, что ни на одном уровне: международном, региональном и национальном, не существует коллизийных норм, которые опреде-

ляли бы право, применимое к действиям по нарушению авторского права в сети Интернет.

В пункте 2 ст. 5 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. содержится следующее положение, которое может быть расценено, как содержащее коллизионную привязку «lex fori» либо «lex loci protectionis»: «объем охраны, равно как и средства защиты, представляемые автору для ограждения его прав, регулируются исключительно законодательством страны, в которой истребуется охрана».

Однако в правовой доктрине существует спор относительно того, содержит ли данная норма коллизионную привязку. Представляется верным занять позицию об отсутствии в указанном документе коллизионных норм. Сторонники данного видения в свою пользу приводят аргумент о том, что данная норма противоречит коллизионной привязке, закрепленной в ст. 8.2 Регламента Рим II 864/2007 от 11 июля 2008 г. «О праве, применимом к внедоговорным обязательствам», где указано, что применимым правом в случае нарушения внедоговорных обязательств вытекающих из нарушений прав интеллектуальной собственности является право страны, для которой испрашивается охрана. Существует группа ученых, которая, полагает, что рассматриваемая норма не является коллизионной, поскольку закрепляет принцип национального режима, а именно требует применения к своим гражданам и к иностранцам одинаковых норм. Практика Европейского Суда справедливости подтверждает этот вывод, в частности, это решение по делу *Tod's SpA and Tod's France SARL v Heyraud SA* (30.06.2005, case C-28/04). Ю. Ульмер, напротив, в своих работах отмечает, что норма Бернской конвенции неполная, поскольку не решает вопрос о выборе права, а лишь указывает на ситуации, в которых применяется национальное право. В качестве аргумента рассматриваемой позиции может служить также публично-правовая природа авторского права: как известно, авторское право первоначально подтверждалось выдачей привилегий и потому коллизионного регулирования не требовалось вовсе. Немаловажно, что Бернская конвенция была принята задолго до начала трансграничного использования произведений. В обзоре Всемирной организации интеллектуальной собственности о проблемах интеллектуальной собственности в интернете (2002 г.) указывается на отсутствие коллизионных норм в Бернской конвенции. Также в противоречие с положениями Бернской конвенции в США, присоединившимся к Бернской конвенции в 1989 г., применяется иностранное право при рассмотрении споров об авторских и смежных правах.

Регламент Рим II имеет силу европейского регламента, что означает его обязательным к прямому применению на всей территории Европейского союза. Таким образом, в качестве коллизионной привязки применимой как к интеллектуальной собственности в целом, так и к деликтным отношени-

ям авторского права в сети Интернет, следует рассматривать закрепленную в Регламенте Рим II привязку «страна, для которой испрашивается охрана», т. е. «lex loci protectionis», а вне территории ЕС – национальные коллизионные привязки применительно к конкретному правоотношению. Следует отметить, что в Республике Беларусь таковой будет являться привязка «lex fori», согласно ст. 1132 Гражданского кодекса. Соответствующее положение содержится в ст. 1120 Гражданского кодекса Казахстана. Данная привязка первоначально была закреплена в ст. 1232 Модельного гражданского кодекса СНГ. Состоятельность указанной коллизионной нормы применительно к деликтным отношениям авторского права в сети Интернет неоднозначна. Какая коллизионная привязка является приемлемой – еще предстоит определить.

О ТРАНСГРАНИЧНОМ СЛИЯНИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Романов А. В., Белорусский государственный университет

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Л. В. Царева

Вопросам слияния юридических лиц уделяется в Республике Беларусь достаточно внимания, но при этом исследования в области слияния юридических лиц Республики Беларусь и юридических лиц иных государств не проводятся. По нашему мнению, это обуславливается тем, что юридические лица Республики Беларусь не могут осуществлять слияние с иностранными юридическими лицами.

Данное суждение объясняется тем, что каждое юридическое лицо существует в рамках конкретной правовой системы. Именно она определяет базовые вопросы существования юридических лиц, в том числе вопросы реорганизации, с целью обеспечения нормального гражданского оборота, защиты кредиторов и участников корпоративных отношений.

Правовая система, которой принадлежит юридическое лицо, может определяться по-разному. В Республике Беларусь для этого используется критерий инкорпорации. Статья 1111 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) указывает, что законом юридического лица является закон страны, где это юридическое лицо учреждено.

Хозяйственные общества, учрежденные на территории Республики Беларусь, вступая в отношения, связанные со слиянием, руководствуются нормами ГК и Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах».

Ввиду вышесказанного, на юридических лиц, учрежденных на территории иностранных государств, данные нормы не распространяются, так как они руководствуются правом государства места своего учреждения.

Таким образом, если бы имело место слияние юридического лица Республики Беларусь и юридического лица иностранного государства, то пер-